

На правах рукописи

Янзина Эвелина Вячеславовна

Античные спортивные единоборства в терминологическом, практическом
и общекультурном аспектах

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2004

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А. А. Россиус

Официальные оппоненты: доктор исторических наук А. В. Подосинов

кандидат филологических наук Д. О. Торшилов

Ведущая организация: кафедра истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова

Защита состоится __ _____ 2004 года в __ час. на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Автореферат разослан __ _____ 2004 года

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

О. М. Савельева

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена рассмотрению практики и терминологии античной борьбы, кулачного боя и панкратиона, а также их роли в культурной жизни Греции и Рима.

На протяжении почти всей истории изучения античности ученые, хотя и признавали за атлетикой важную роль в системе культурных ценностей античной эпохи, но не уделяли этому явлению должного внимания, особенно в той его части, которая касается спортивной лексики и терминологии.

Между тем в атлетике как ни в какой другой сфере деятельности наиболее наглядно реализовывалось стремление человека прославиться, добиться первенства, тот, как писал А.-И. Марру, ""агонистический идеал существования", в котором, после блестящих исследований Якоба Буркхардта, принято видеть одну из самых существенных сторон греческой души"¹.

Не случайно спортивные реалии и их терминология находили такой большой отклик у греческих и римских авторов, начиная с Гомера и кончая христианскими писателями, сочинения которых содержат не только непосредственные описания спортивных соревнований, но и многочисленные метафоры и сравнения, заимствованные из той или иной гимнастической дисциплины.

Хотя первые шаги на пути изучения античной атлетики и ее терминологии были сделаны еще в XIX веке², тем не менее данная тема до сих пор остается одной из наименее разработанных как в отечественной, так и в зарубежной классической филологии. Главная причина этого состоит, по-видимому, в обширности, фрагментарности и многообразии предоставляемого античными источниками материала, а также в недостаточно глубоком знании исследователями теории и практики физической культуры и спорта. Другой крайностью, которая имеет место в трудах многих современных историков греческой атлетики, является порой неосознанная тенденция к модернизации античности, проистекающая из представления о том, что знания о сегодняшнем положении вещей в спортивной сфере полностью применимы и для оценки античных феноменов.

Целью настоящей работы является упорядоченное и систематическое изложение до сих пор не вполне изученного материала (текстов, памятников изобразительного искусства, фрагментов материальной культуры) о греческих единоборствах, их лексике, а также роли в системе состязаний и, шире, во всей культурной жизни античной эпохи. Установка на системность и полноту служит одновременно и главным **методическим принципом** предлагаемого исследования.

Основное внимание в работе уделяется малоизученной до сих пор терминологической стороне вопроса, которая имеет огромное значение для понимания многих классических текстов, содержащих как прямые описания, так и метафо-

¹ А.-И. Марру. История воспитания в античности (Греция). Пер. с франц. А. И. Любжина, М. М. Сокольской, А. В. Пахомовой. М., 1998, с. 31.

² См. с. 5-6.

ры, заимствованные из античной борьбы, кулачного боя и панкратиона. Важнейшим результатом проведенного исследования стало вычленение и уточнение значений многих спортивных терминов - "агононимов". Прилагаемый в конце работы индекс греческих "агононимов" включает в себя 451 наименование. Из них более 140 являются обозначениями технических действий, применяемых в борьбе, кулачном бою и панкратии (например, κλιμακίζεῖν, (τὴν) ἔδραν στρέφειν, καταβάλλειν, ἀποσεῖσθαι, ἀποπτερονίζεῖν, λακτίζεῖν и т.д.). Отдельную группу составляют названия самих единоборств и их производные (πάλη, πυγμή, παγκράτιον, πυκτικός и пр.), а также почетные эпитеты, употребляемые по отношению к представителям различных гимнастических дисциплин (ἄλειπτος, ἀμεσολάβητος, ἀπτής, παράδοξος, δεύτερος (трῖτος κтл.) ἀφ' Ἡρακλέους и т.п.). Кроме того, в индекс вошли наименования спортивного инвентаря (ἀμφωτίδες, (τὰ) ἐπίσφαιρα, κλίμαξ и др.), обозначения используемых при подготовке к состязаниям упражнений (ἀλτηριοβολία, ἀκροχειρίζεσθαι, σκιαμαχεῖν и пр.), а также лексика, касающаяся организации и правил проведения атлетических соревнований (ἀκονιτί, ἔφεδρος, κρίσις, κλήρος, ἱερὸν ποιεῖν и др.). В индекс были также включены и другие связанные с физической культурой и спортом слова и выражения, к числу которых в первую очередь относятся названия упоминавшихся в работе атлетических турниров (например, Ὀλύμπια, Ἐλευσίνια, Ἀκτια, Ἰταλικὰ Ῥωμαῖα Σεβαστὰ Ἴσολύμπια) и обозначения наград и почестей, полагавшихся победителям этих состязаний (например, ἀνάρρησις, ἀνάδεσις (τοῦ στεφάνου), εἰκὼν, ἀτέλεια, προεδρία, σίτησις) и т.п. Параллельно с греческими спортивными терминами в работе рассматриваются и латинские "агононимы" (*numerus, nodus, nexu, statio, gradus, abicere, percellere, follis pugilatorius*). Их список, состоящий всего из 69 единиц, также помещен в конце работы.

Актуальность и **практическое применение** данного исследования заключаются в том, что его результаты могут быть использованы для составления греческих и латинских спортивных словарей и словников, разрешения текстологических затруднений, написания переводов и комментариев к греческим и римским авторам, а также при чтении лекций по античной культуре.

Научная новизна работы состоит в комплексном изучении всех имеющихся в нашем распоряжении источников, включая памятники греческой и римской литературы, эпиграфики, папирологии и изобразительного искусства. Полученные данные сверяются с наиболее значимыми теориями античной культуры, разработанными учеными Нового времени (Я. Буркхардтом, В. Йегером и др.) и дополняются описаниями и иллюстрациями, предлагаемыми в литературе по теории и практике современных единоборств.

Материалы исследования получили **апробацию** в докладе на тему "О значимости изучения спортивной терминологии для понимания греческой литературы (по поводу *Pollucis Onomasticon* III, 155 и *Plutarchi Quaestiones convivales* 638 f)" на заседании кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (апрель 2003 г.), а также в ряде выступлений на научных конференциях: Чтения памяти И. М. Тронского "Индоевропейское языкозна-

ние и классическая филология - V" (Санкт-Петербург, 2001 г.); Ломоносовские чтения (Москва, филологический факультет МГУ, 2002 г.); Сергеевские чтения (Москва, исторический факультет МГУ, 2003 г.).

Структура диссертации

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и приложений, которые включают в себя 108 иллюстраций, *indices verborum palaesticorum Graecorum* (541 ед.) *et Latinorum* (69 ед.), список использованной литературы и список сокращений (общий объем диссертации - 291 с.).

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются предмет и задачи исследования, дается краткий обзор литературы Нового времени, посвященной как частным вопросам греческого спорта и единоборств, так и проблемам античной культуры в целом.

Первым новоевропейским исследованием, затрагивающим атлетическую тематику, стала вышедшая в Венеции в 1575 г. книга Иеронима Меркуриала *De arte gymnastica* ("О гимнастическом искусстве"). Это сочинение представляло собой своеобразный компендий знаний об античном атлетизме и рассматривало широкий круг вопросов, относящихся к истории физических упражнений в древности.

Семьюдесятью годами позже в 1645 г. во Франкфурте появилась еще одна книга, посвященная античной гимнастике. Автором ее был Жубер и называлась она *De gymnasiis et generibus exercitationum apud antiquos celebrium* ("О гимнасиях и о видах применяемых в древности упражнений").

Той же традиции следует и сочинение Сабатье *Les exercices du corps chez les anciens* ("Телесные упражнения древних"), которое вышло в Шалоне в 1772 г.

Однако, в целом, для XVII – начала XIX столетий характерен слабый интерес к спортивной тематике. Умы образованных людей того времени гораздо больше привлекала интеллектуальная сторона античной жизни.

К середине XIX в. ситуация изменяется. Причиной тому – подъем олимпийского движения, главным результатом которого стало возобновление в 1896 г. Олимпийских игр. В XIX-XX вв. появляется целая серия уже признанных классическими работ о древнегреческом спорте, среди которых, в первую очередь, следует упомянуть книги Иоганна Генриха Краузе (*Olympia oder Darstellung der großen Olympischen Spiele*, 1838, Vienna; *Gymnastik und Agonistik der Hellenen*, 1841, Leipzig), Эдварда Нормана Гардинера (*Greek athletic sports and festivals*, 1910, London; *Olympia, its history and remains*, 1925, Oxford; *Athletics of the ancient world*, 1930, Oxford), Юлиуса Ютнера (*Philostratos über Gymnastik*, 1909, Leipzig-Berlin; *Über antike Turngeräte*, 1896, Wien; *Die athletischen Leibesübungen der Griechen*, 1965, Wien) и Майкла Полякова (*Studies in the terminology of the Greek combat sports*, 1982, König-

stein/Ts.; *Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture*, 1987, New Haven-London).

Одним из общих недостатков всей новоевропейской литературы о единоборствах и, шире, о спортивных состязаниях в древности является, как отмечалось ранее, не вполне осознанная тенденция модернизировать историю, в основе которой лежит убеждение, что в античности все обстояло более или менее так, как сейчас. Такой подход вполне уместен (правда, не без оговорок), когда речь идет, к примеру, о "физической" составляющей греческих единоборств, о применяемых атлетами ударах, бросках и т.п. Другое дело – духовная атмосфера той отдаленной от нас эпохи.

Говоря о специфических особенностях эллинского мировосприятия, во многом благодаря которым атлетика стала столь естественным и популярным в греческой среде занятием, следует в первую очередь упомянуть о восходящем еще к гомеровской эпохе и впоследствии распространившемся на всю эллинскую культуру и философию "соматизме" (от греч. σῶμα - "тело") со свойственным ему "телесным" представлением о мире³. Возьмем, к примеру, древнегреческие воззрения на проблему души и человеческой личности. Так у Гомера⁴, у которого отсутствует цельное представление о душе, отдельные ее части, отвечающие за четко определенные сферы внутренней жизни человека, являют собой конкретные вещественные субстанции. Например, интеллектуальными функциями души ведает в числе прочих φρήν или φρένες (по традиционному истолкованию, "диафрагма", по Р. Б. Ониансу - "легкие"⁵). За эмоциональную сферу отвечает, как правило, θυμός ("дыхание"), который располагается во φρένες и представляется душой-дыханием и одновременно паром, исходящим от крови. Даже ψυχή ("душа"), бессознательное жизненное начало, продолжающее существовать и после смерти человека, локализуется прежде всего в голове, но отождествляется с мозговым веществом всего человеческого тела. Более того, после окончания земного существования человека ψυχή сохраняет схожесть с его прижизненным обликом. Примечательно, что в последующие эпохи, когда в греческом сознании начинает формироваться более или менее целостное представление о душе и

³ О соматизме см. статью в: J. Ritter – K. Gründer. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Bd. IX, 1995, Basel. Об исконной "телесности", присущей античной культуре и философии в разных ее модификациях, писал также А. Ф. Лосев (см., напр., книги "История античной эстетики. Ранняя классика" (М., 1963), "Очерки античного символизма и мифологии" (М., 1993) и др.).

⁴ Превосходное исследование на эту тему под названием "Гомеровская психология" было написано в 20-х годах XX столетия Ф. Ф. Зелинским (Петербург, 1922). См. также работу А. Ф. Лосева "Античная мифология в ее историческом развитии" в книге "Мифология греков и римлян" (М., 1996, с. 52 сл.). В более широком культурном контексте эллинские представления о душе получили освещение в фундаментальном труде Р. Б. Онианса "На коленях богов: истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе" (*The origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time and fate: new interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs*), впервые увидевшем свет в 1950 г. (русское переработанное издание вышло в Москве в 1999 г.). См. также: R. Padel. *In and out of the mind: Greek images of the tragic self* (Princeton, 1992).

⁵ Указ. соч., с. 45-65

личности человека, последняя почти всегда мыслится исключительно физически и материально, что находит отражение и на языковом уровне: понятие личности закрепляется в древнегреческом языке и литературе термином σῶμα ("тело")⁶. Особенно интересный материал предоставляют на эту тему сочинения Еврипида, Ксенофонта, Фукидида, Платона, Демосфена и Плутарха⁷.

Другой характерной особенностью, получившей большое распространение на эллинской почве и немало способствовавшей величайшему расцвету всей античной культуры в целом, была издревле присущая грекам агональность, стремление к первенству среди себе подобных, одним из наиболее наглядных проявлений которого было спортивное состязание.

Первым концепцию агональности как специфически эллинской черты стал разрабатывать в 80-х годах XIX в. Якоб Буркхардт. Его большой труд первоначально получил известность в форме лекций и лишь после смерти ученого был полностью опубликован под названием "История греческой культуры"⁸.

Наряду с Буркхардтом немалую дань идее об агональном характере эллинов отдал и Фридрих Ницше, мечтавший посвятить этой теме специальное исследование. Набросок к нему, написанный в 1872 г., вошел в собрание сочинений мыслителя под заглавием "Гомеровское соревнование"⁹. Не без споров об агональности прошли и знаменитые столкновения с Ульрихом фон Виламовиц-Мёллендорфом, разгоревшиеся после выхода в свет в 1871 г. книги "Рождение трагедии" (*Die Geburt der Tragödie*)¹⁰, в которой Ницше, исследуя природу трагического как такового, выступил против всевластия традиционного для классической филологии XIX в. исторического метода, а также против порожденной им тенденции к специализации и отграничению филологической работы от культурной деятельности в широком понимании этого слова.

В дальнейшем наиболее плодотворными оказались те исследования, авторы которых отказались от узко специального подхода к изучению интересующих их явлений и смело использовали в своей работе опыт психологии, антропологии, этнографии и других дисциплин, "за пробуждение интереса к которым в немалой степени несет ответственность Ницше"¹¹. Намеченному Ницше направле-

⁶ См. статью А. А. Тахо-Годи "О древнегреческом понимании личности на материале термина σῶμα", помещенную в выпуске 3-4 "Вопросов классической филологии" за 1971 г. (с. 273-297), а также повторно опубликованную в приложении к уже упоминавшейся книге Р. Б. Онианса (с. 498-522).

⁷ О конкретном наполнении термина σῶμα у каждого из приведенных авторов см. в статье А. А. Тахо-Годи (там же).

⁸ J. Burckhardt. Griechische Kulturgeschichte, 4 Bd., 1898-1902, Berlin-Stuttgart.

⁹ F. Nietzsche. Homer als Wettkämpfer. – In F. Nietzsche Werke, 1896, Bd. 9, Leipzig, S. 193-215.

¹⁰ Последнее русское издание "Рождения трагедии" в переводе А. В. Михайлова (с комм., вступит. ст. и под общ. ред. А. А. Россиуса) вышло в Москве в 2001 г.

¹¹ См. вступительную статью А. А. Россиуса, написанную к последнему изданию "Рождения трагедии" Ф. Ницше, с. 45.

нию следовали в своих работах Эрик Робертсон Доддс¹², Жан-Пьер Вернан¹³ и другие видные ученые-антиковеды XX столетия.

Неоценимый вклад в изучение эллинской культуры и образования внесли также немецкий филолог-классик Вернер Йегер, автор трехтомного обобщающего труда "Пайдейя. Воспитание античного грека" (*Paideia. Die Formung des griechischen Menschen*)¹⁴, и знаменитый французский исследователь античности Анри-Ирене Марру, перу которого принадлежит книга "История воспитания в античности" (*Histoire de l'éducation dans l'antiquité*)¹⁵.

В отечественной классической филологии проблемам античной цивилизации посвящена книга Александра Иосифовича Зайцева "Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э.", впервые увидевшая свет в Ленинграде в 1985 г.

Опираясь на опыт вышеназванных теоретических исследований, можно наметить следующие линии развития греческих спортивных единоборств и античной атлетики в целом.

Первые известные нам свидетельства о греческом спорте относятся к так называемой "гомеровской" эпохе, охватывающей период с конца II тыс. до н.э. по VIII в. до н.э. Атлетика того времени была уделом военной аристократии. Победа в бою или на состязаниях воспринималась тогда как высшая реализация ἀρετή ("доблесть"), нравственного идеала, сущность которого можно кратко выразить словами самого Гомера (II. VI, 208): αἰὲν ἀριστεύειν καὶ ὑπείροχον ἔμμεναι ἄλλων – "Быть лучшим и всегда превосходить других". В награду герой получал добрую славу. При этом ἀρετή мыслилась неким передаваемым по наследству божественным даром и потому была доступна лишь представителям благородного сословия, традиционно возводившим свое происхождение к богам. Последним обстоятельством отчасти объясняется религиозный смысл атлетического агона, который должен был выявить не только лучшего в конкретной спортивной дисциплине, но и того, в ком больше всего милости богов.

Подобное отношение сохраняется и в эпоху после учреждения Олимпийских и других панэллинских игр, которые никогда не воспринимались древними как сугубо спортивные мероприятия: само их основание было связано с именами

¹² Одним из самых значительных исследований Э. Р. Доддса стала книга "Греки и иррациональное" (*The Greeks and the irrational*), впервые увидевшая свет в 1949 г. Ее русский перевод, выполненный С. В. Пахомовым, был опубликован в Санкт-Петербурге в 2000 г. Предшественниками Доддса были также английские и американские этнологи (прежде всего, Дж. Фрэнгер и Фр. Боас), для которых характерен интерес к психологии и иррациональному.

¹³ Среди сочинений Ж.-П. Вернана наибольшей известностью пользуются *Les origines de la pensée grecque* (Paris, 1962; русский перевод под названием "Происхождение древнегреческой мысли" вышел в 1988 г.), *Mythe et pensée chez les Grecs* (Paris, 1965), *Mythe et religion en Grèce ancienne* (Paris, 1990) и др.

¹⁴ "Пайдейя" была впервые опубликована в 1933 г. Русские переводы ее I и II томов вышли в Москве в 2001 и 1997 гг.

¹⁵ Первое издание книги А.-И. Марру вышло в 1948 г.

греческих богов и героев: Зевса, Аполлона, Посейдона, Геры, Афины, Геракла, Пеллопа и др.

С сакральным смыслом спортивного агона, показывающего не только силу и мастерство атлета-единоборца, но и проверяющего его на обладание милостью богов, было тесно связано понятие *καλὸς καὶ ἀγαθός* ("красивый и добрый"), которое стало символом гармонично развитой личности, идеально сочетавшей в себе достоинства тела, высокие нравственные, а затем и интеллектуальные качества¹⁶.

Впоследствии полисная культура воспринимает все наследие предшествующей эпохи, включая и представления об агональной и спортивной доблести. Отпрыски знатных родов продолжают состязаться в Олимпии и на других атлетических аренах Греции. Победа в подобных соревнованиях становится теперь высшим мериллом человеческих достижений. Полисы осыпают своих вернувшихся с победой граждан всевозможными почестями и наградами. Этому в немалой степени способствует обострившееся в данную эпоху чувство гражданской солидарности. Спорт, и особенно единоборства, становятся важнейшим элементом жизни полиса, а значит и частью жизни каждого его гражданина, той непосредственной агональностью, в которую более или менее был вовлечен каждый. Победа, а, следовательно, и связанное с ней расположение божества, считается принадлежностью не только самого чемпиона и его семьи, но и всех жителей его родного города. Атлет-победитель считается лучшим защитником отечества от неприятеля.

Однако ко второй половине V в. до н.э. в греческом мире начинает происходить смена ценностных приоритетов. Напомним, что на V в. до н.э. приходится наивысший расцвет первого софистического движения, прямым следствием которого было усиление влияния интеллектуального, научного и рационального элементов на тогдашнюю культурную жизнь. Воспользовавшись словами Вернера Йегера, можно было бы сказать: "В тот момент, когда дух выступил как нечто противоположное или даже враждебное телу, идеал древней агонистики оказался непоправимо унижен и лишен своего господствующего положения в греческой жизни, хотя в виде спорта агонистика сохранялась еще в течение столетий"¹⁷. Все это способствовало росту скептицизма и индивидуалистических умонастроений в обществе, прямым следствием которых стало постепенное расшатыванию традиционных политических и религиозных устоев жизни полиса, по мере упадка которого изменяется и сам характер античной атлетики: она перестает быть привилегией аристократов и приближается по типу к современной, т.е. становит-

¹⁶ О калокагатии см. работы: А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 1963; Классическая калокагатия и ее типы. - Вопросы эстетики. Вып. 3. Москва, 1960, с. 411-475; W. Donlan. The origin of kalos kagathos. - American Journal of Philology, 1973, vol. 94, № 4, Baltimore. P. 365-374; F. Bourriot. Kalos kagathos - kalokagathia: d' un terme de propagande de sophistes à une notion sociale et philosophique: étude d' histoire athenienne, 1995, Hildesheim.

¹⁷ Пайдейя, т. 1, пер. с нем. А. И. Любжина, с. 255.

ся в первую очередь зрелищем и коммерческим предприятием¹⁸. Тем не менее вплоть до конца античности спорт и занятие им образовало, по словам А.-И. Марру, "одну из основных черт греческой жизни, которые определяли ее отличие от жизни варваров", а "физическое воспитание оставалось одним из существенных аспектов посвящения в культурную жизнь, то есть воспитания"¹⁹.

Центральная часть диссертации начинается с рассмотрения терминологической и практической сторон трех главных греческих единоборств: борьбы, кулачного боя и панкратиона.

Открывает ее глава "**Общие черты античных единоборств**", в которой дается сравнительная характеристика этих спортивных дисциплин, отмечаются основные особенности образа жизни, питания и гигиены атлетов-единоборцев, описывается методика их тренировок и система организации соревнований. Сознавая исключительное положение борьбы, кулачного боя и панкратиона, греки выделили эти виды спорта в специальную группу "тяжелых состязаний" (τὰ βαρύτερα). Все три античных единоборства были тесно связаны между собой. Часто один и тот же атлет становился победителем сразу в нескольких их видах. Сходство между греческими борьбой, кулачным боем и панкратионом проявлялось не только в определенном образе жизни, диете, методиках подготовки практикующих их спортсменов к состязаниям, но и в атлетической лексике и терминологии. Так, например, слова πλέκειν ("плести, обхватывать"), καταβάλλειν ("бросать, опрокидывать"), προβολή ("выставление вперед, боевая стойка") могут в равной степени употребляться для описания действий и борцов, и кулачных бойцов, и панкратиастов. То же самое касается прилагательных τρογυός ("грозный, страшный"), εὐχεῖο ("искусный"), πλατύς ("широкий"), а также существительного καρτερία ("стойкость, выносливость"), которое скорее характеризовало морально-волевою сторону греческих единоборств.

Три следующие главы центральной части диссертации "**Борьба**", "**Кулачный бой**", "**Панкратион**" посвящены анализу практик конкретных единоборств и построены по единой схеме. Каждая из них начинается с краткого экскурса в историю соответствующей спортивной дисциплины и завершается реконструкцией правил, технической и терминологической сторон рассматриваемого вида состязаний.

Борьба (греч. πάλη, παλαιμοσύνη, μονοπάλη; лат. *lucta, luctatio, luctatus*) признавалась древними самым интеллектуальным из всех видов соревнований, в котором наряду с физической силой большую роль играло умение перехитрить и обыграть противника. Не случайно интерес к борьбе в свое время проявляли

¹⁸ Рамки настоящей работы не позволяют подробно рассматривать глубокие социально-экономические причины, приведшие к упадку полисную систему. Поэтому здесь мы решили отметить лишь некоторые явления в культурной жизни V в. до н.э., которые внесли свою лепту в изменение господствующих в обществе идеалов и способствовали окончательному переходу агональных тенденций из спортивной сферы в область политики, риторики, науки, художественной литературы и искусства.

¹⁹ Указ. соч., пер. с франц. А. В. Пахомовой, с. 165.

Сократ, Платон, Протагор и другие величайшие умы Греции. Она воплощала собой высшую форму состязательности, к которой в архаическую и классическую эпохи чувствовал себя причастным каждый эллин. Поэтому не удивительно, что борцовские реалии и терминология получили большое отражение в греческой литературе и через ее посредство проникли в самые разнообразные области античной культурной жизни: риторику, литературную критику, образование, эротическую сферу. Для примера достаточно привести такие заимствованные из борьбы и получившие распространение в литературе слова и выражения, как *λυγίζειν* ("изгибать, вертеть, поворачивать"), *λυγισμός* ("изгибание, изворот"), *μέσον ἔχειν* ("держаться посередине"), *ἀποτριάζειν* ("утраивать"), *τριακτήρ* ("трижды, т.е. окончательно победивший"), *ἀτρίακτος* ("трижды непобежденный"), *νῶτα κονίειν* ("испачкать спину прахом"), *ἐς γόνατα πίπτειν* ("падать на колени"), *ἐμβάλλειν* ("нападать с фронта"), *παρεμβολή* ("атака сбоку") и др.

В программу Олимпийских игр борьба входила не только в качестве самостоятельного вида спорта, но и как составная часть пентатлона. Кроме того, техника борьбы использовалась панкратиастами. В Олимпии состязания в борьбе среди мужчин были введены на 18-й олимпиаде (708 г. до н.э.), а среди мальчиков - на 37-й (632 г. до н.э.).

Соревнования в борьбе проводились по определенным правилам, которые могли различаться в зависимости от времени и места проведения состязаний. Кроме того, правила поединка иногда определялись предварительной договоренностью атлетов. Тем не менее мы располагаем многочисленными свидетельствами, которые позволяют составить целостное представление о правилах, принятых в этом виде спорта.

Важнейшим элементом борьбы считался бросок, прием, имеющий целью вывести противника из равновесия и вынудить его к падению на землю. Римский врач Гален называет спортивную борьбу словом *καταβλητική* ("искусство бросать") (Thrasyl. V, 893), происходящим от греческого глагола *καταβάλλειν* ("бросать, кидать"), который является наиболее общим термином для обозначения этого технического действия.

Для победы в состязаниях борец должен был трижды бросить своего противника. Правило трех бросков нашло отражение и в древнегреческой метафоре. Так Сократ в диалоге Платона "Евтидем" (277 d) уподобляет критический момент в споре Евтидема и молодого Клиния схватке двух борцов, один из которых кидается на своего противника, чтобы бросить его в третий раз и одержать решительную победу ("Ἐτι δὴ ἐπὶ τὸ τρίτον καταβαλῶν ὥσπερ πάλαισμα ὄρμα ὁ Εὐθύδημος τὸν νεανίσκον")²⁰. Рассматриваемая реальность борьбы стала также причиной появления в древнегреческом языке глаголов *τριάζειν*, *ἀποτριάζειν* ("утраивать"), существительного *τριακτήρ* ("трижды, т.е. окончательно победивший, победитель") и прилагательного *ἀτρίακτος* ("трижды непобежденный"), значения

²⁰ Ср. Aeschyl. Eum. 589, где хор, выступая в качестве обвинителя Ореста в матерубийстве, указывает на шаткость его положения: *ἐν μὲν τόδ' ἤδη τῶν τριῶν παλαισμάτων* – "Ты проиграл первую из трех схваток, положенных в борьбе"; см. также схолии к этому месту.

которых тесно связаны с понятиями "победы" и "поражения", в том числе и в борьбе.

Бросок засчитывался, если противник падал на спину, живот, плечи. Касание земли коленом не влекло за собой поражения. Оно лишь ставило спортсмена в неблагоприятное положение. Отсюда берет начало еще одна связанная с борьбой метафора древнегреческой литературы. Ее мы встречаем, например, у Геродота. В VI книге "Истории" (27) писатель, рассказывая о злключениях Хиоса, отмечает, что проигрыш морского сражения поверг город на колени (ἐς γόνυ τὴν πόλιν ἔβαλε), после чего он стал легкой добычей для Гистиея.

При выполнении бросков и других технических действий борцам разрешалось захватывать руки, ноги, туловище и шею противников. Основной целью применения последней разновидности захватов было удушение (ἄγχεiv). Использование в античной борьбе удушающих приемов может свидетельствовать о том, что победа присуждалась не только при проведении атлетом трех бросков противника, но и в случае добровольного признания одним из борцов своего поражения. Подтверждения этого мы находим у Лукиана (Anach. 1) и Нонна Панополитанского (Dionys. XXXVII, 602-609). С другой стороны, Сенека, описывая обычаи спартанцев, обращает внимание на принципиальное различие в присуждении победы в борьбе, кулачном бою и панкратионе. В то время как в борьбе действовало уже упоминавшееся правило трех бросков, поединок в кулачном бою и панкратионе продолжался до сдачи одного из атлетов. По словам Сенеки, добровольное признание поражения было причиной того, что спартанцы запрещали своим юношам участвовать в состязаниях по кулачному бою и панкратиону, полагая, что привычка сдаваться подрывает моральные устои Спартанского государства и скажется на его международном авторитете (Ben. V, 3; ср. Plut. Reg. et imp. apophth. 189 e; Philostr. Gymn. 9).

По всей видимости, в античной борьбе было правило, по которому атлет, выбросивший своего противника за пределы площадки, предназначенной для борьбы (σκάμμα), считался победителем.

К числу запрещенных приемов относились удары и укусы противника.

В 80-е годы XX века в Олимпии был найден декрет конца VI в. до н.э., запрещающий борцам выполнять болевые рычаги пальцев рук (*terminus technicus*: στρεβλοῦν - "крутить, выворачивать"). В соответствии с этим документом судьям разрешалось бить нарушителей прутом²¹. Но уже в V в. до н.э. декрет не исполнялся. По сообщению Павсания (VI, 4, 3), двукратный чемпион Олимпийских игр первой половины V в. до н.э. сицилийский борец Леонтиск прославился тем, что выламывал пальцы своим противникам, таким образом вынуждая их сдаваться (καὶ γὰρ τὸν Λεοντίσκον καταβαλεῖν μὲν οὐκ ἐπίστασθαι τοὺς παλαίοντας, νικᾶν δὲ αὐτὸν κλῶντα τοὺς δακτύλους - "Леонтиск, будучи не состоянием бросить своих противников, побеждал их, ломая им пальцы").

²¹ M. B. Poliakoff. Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture, p. 28.

В борьбе использовались и другие виды болевых рычагов²². В комедии Аристофана "Всадники" (263) встречается выражение ἀποστρέψας τὸν ὤμον ("загибать назад плечо"), которое схолиаст считает метафорой, взятой из борьбы: τὴν βίαν δὲ ἢ ἐκέχρητο κατὰ τῶν ἀνθρώπων διὰ τῆς πάλης ἐδήλωσεν - "(Аристофан), упомянув используемые в борьбе приемы, указал на насильственные действия (героя), совершенные им против людей".

Техника борьбы состояла из разнообразных по структуре движения приемов, которые имели в древнегреческом языке и общее наименование πάλαισμα ("борьба, хитрость, уловка") или σχῆμα ("наружный вид, образ, форма"). В латинском языке выполняемые борцами технические действия обозначались существительным *numerus* ("число, последовательность").

Античные атлеты вели борьбу не только в стойке (ὄρθη πάλη, ὀρθοπάλη, σταδαία πάλη - "борьба стоя"), но и в партере (ἀλίνδῆσις - "валяние, катание по земле", κύλισις - "катание, перекачивание").

Борьбе в партере уделялось особое внимание во время тренировок. Не случайно, в ряде мест античной литературы она предстает непосредственно связанной с процессом обучения. Так в романе Псевдо-Лукиана "Лукий, или Осел" описывается любовный поединок между Лукием и Палестрой, который полностью построен на имитации действий состязающихся в борьбе атлетов. Причем девушка берет на себя роль наставника, а молодой человек – ее ученика (8 sqq., ср. 5). Другим примером могут служить педерастические эпиграммы Стратона, действующими лицами которых являются тренер и его подопечные (Anth. Gr. XII, 206; 222).

Борьба в партере или ее имитация с партнером и без такового была упражнением, которое часто рекомендовали своим пациентам античные врачи. В данном случае немалое значение имел не только характер технических действий, выполняемых в этом единоборстве, но и представление о целительных свойствах пыли (κόνις) и глины (πηλός), которыми была покрыта площадка для занятий.

Борьба в партере ассоциировалась не только с борьбой как таковой, но и с любовно-эротической сферой. Подобная двусмысленность привела со временем к возникновению таких новообразований, как *clinopale* и ἐπικλινόπαλη ("постельная борьба"), которые были построены на игре слов πάλη ("борьба"), κλίνη ("ложе, постель") и κλίνειν ("склонять, наклонять").

Борец начинал поединок из позиции вне захвата (*termini technici*: греч. προβολή - "выставление вперед", лат. *statio* – "стояние, стойка"). Подробное описание положения тела атлета перед борьбой мы находим у Гелиодора (X, 31), герой которого, готовясь к схватке с противником, выставляет руки вперед, крепко упирается ступнями в землю, сгибает ноги в коленях, округляет спину и плечи, слегка наклоняет шею и, сжавшись всем телом, с нетерпением ожидает начала поединка. Такое положение тела борца позволяло ему успешно атаковать и за-

²² В целом, следует отметить, что применение болевых рычагов было более характерным для панкратиона.

щищаться от атакующих захватов противника, помогало сохранить равновесие и обеспечивало готовность к перемещениям и вращениям, применяемым в борьбе.

Неотъемлемой частью античной борьбы были захваты. Эти технические действия обозначались в древнегреческом языке существительными λαβή ("захват, рукоятка, место, за которое можно ухватиться"), ἄμμα ("узел"), глаголом περιτιθέναι ("помещать вокруг, обхватывать"), а также словами πλέκειν ("плести"), συμπλέκειν ("сплетать, связывать, *pass.* схватываться, вступать в рукопашный бой"), περιπλέκειν ("оплетать, обвивать, обхватывать"), διαπλέκειν ("переплетать"), ἐμπλέκειν ("вплетать"), συμπλοκή ("сплетение"), περιπλοκή ("обхват"), προοπλοκή ("обхват, прихватывание"), ἀμφίπλεκτος ("со всех сторон сплетающийся, переплетающийся").

Из всех разновидностей захватов в античной литературе чаще других упоминаются захваты за туловище. Для обозначения захватов за туловище в греческом языке использовались следующие слова и выражения: μέσον λαμβάνειν ("брать за середину"), μεσολαμβάνειν ("захватывать за середину"), μέσον ἔχειν ("держат посередине") и διαλαμβάνειν ("брать посередине, обхватывать, перехватывать"). В комедиях в этом смысле употреблялось наречие μεσοπέρδην.

Захват за туловище ставил спортсмена в крайне неблагоприятное положение, и потому умение избежать подобной ситуации ценилось очень высоко. В надписях на памятниках победителям данное их достижение отмечалось эпитетом ἀμεσολάβητος ("не схваченный за середину") (Там II 741; 1206 sq.; ВСН XVI 445; LW III 363).

Некоторые термины борьбы, обозначающие захват за туловище, стали метафорами древнегреческой литературы. Чаще всего подобные переносы встречаются в комедиях Аристофана (Ach. 571, ср. 274 sq.; Nub. 1047; Ran. 469; Eq. 387-390; Eccl. 260). Образ схваченного за туловище борца мог составлять часть сложной метафоры, которая, к примеру, появляется в стихах 36-37 IV Немейской оды Пиндара. Здесь соперники поэта уподобляются морю, которое, словно атлет, захватило его за туловище: ἔμπα, καίπερ ἔχει βαθεῖα ποντιάς ἄλμα/ μέσον, ἀντίειν' ἐπιβουλίας – "Хотя соленая глубина моря удерживает тебя за туловище, тем не менее сопротивляйся коварным замыслам".

Не меньшей популярностью в античной борьбе пользовались и захваты за шею (*termini technici*: τραχηλίζειν - "хватать за горло", τραχηλισμός - "хватание за горло"). Как отмечалось ранее, главной целью применения подобных захватов было удушение противника.

К числу удушающих приемов относился и захват под названием κλίμακίζειν (букв. "выполнять лестницу"), который Поллукс упоминает в составленном им списке терминов борьбы (III, 155). При проведении этого приема атлет, сидя на спине своего противника, осуществляет удушение, надавливая предплечьем на его шею, а ногами на нижние ребра. В "Суде" (δ 583) и словаре Гесихия (δ 1053; κ 2994) мы находим два соответствующих этому глаголу существительных κλίμαξ и κλίμακισμός ("лестница"). Слово κλίμαξ встречается также у Софокла в описании борьбы Геракла и Ахелоя (Trach. 520-522): ἦν δ' ἀμφίπλεκτοι

κλίμακες,/ ἦν δὲ μετώπων ὀλόεντα πλήγματα/ καὶ στόνος ἀμφοῖν - "были сплетенные "лестницы",/ были страшные удары лбов/ и стоны обоих борцов". Этот поединок нередко изображался на памятниках античной вазописи (см., например, краснофигурный стамнос из Британского музея, E 437). Именно сравнение литературных и художественных источников помогает в данном случае понять значение глагола κλιμακίζειν и соответствующих ему существительных.

По ходу поединка атлет мог изменять типы захватов. Такие его действия обозначались в греческом языке глаголом μετατιθέναι ("перемещать, переставлять").

В античной борьбе были разработаны и различные способы освобождения от захватов противника. Их общим наименованием служили слова λυγίζειν ("изгибать, вертеть, поворачивать") и λυγισμός ("изгибание, изворот"). Эти термины борьбы употреблялись и в переносном значении. Примером здесь могут служить стихи 97-98 первой Идиллии Феокрита, в которых Афродита насмехается над страданиями охваченного любовью Дафниса: τύ θην τὸν Ἔρωτα κατεύχεο, Δάφνι, λυγίξειν/ ἧ ῥ' οὐκ αὐτὸς Ἔρωτος ὑπ' ἀργαλέω ἐλυγίχθης; - букв. "Не ты ли, Дафнис, хвастал, что освободишься от захватов Эрота?/ А теперь не жестокий ли Эрот освободился от твоих?". В качестве метафор λυγίζειν и λυγισμός обозначают также разнообразные увертки и ухищрения, к которым прибегают софисты для извращения истины (Plato. Resp. 504 c; Aristoph. Ran. 774-776).

Античные борцы применяли различные способы выведения противника из равновесия, к числу которых относились толкания (ὠθεῖν - "толкать, отталкивать"), затягивания (ἔλκειν - "влечь, тащить, тянуть") и переводы в партер (σπᾶν - "тащить, вырывать, выдергивать"). Однако основу техники борьбы того времени составляли броски (*termini technici*: греч. καταβάλλειν - "бросать, кидать", лат. *abicere* - "бросать, отбрасывать"). Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют составить стройную классификацию этих приемов. Поэтому в работе рассматриваются лишь те броски, которые наиболее часто встречаются в памятниках античной литературы и искусства. Среди них в первую очередь следует упомянуть бросок через бедро (τὴν ἔδραν στρέφειν - "поворачивать таз"), бросок с захватом руки на плечо (εἰς ὕψος ἀναβαστάσαι τὸν ἀντίπαλον - "поднять противника в высоту"), бросок с захватом обеих ног, бросок наклоном, бросок с падением на спину с упором ноги в живот (ὑπτιασμός - "откидывание (тела) назад")²³. Кроме того, античные борцы применяли такие способы выведения противника из равновесия ногами, как подножки (ὑποσκελίζειν - "ставить подножку"), подсечки (подсечка в колено сзади: ἰγνύων ἀφαίρεσις, ἰγνυῶν ὑφαίρεσις - "отнятие подколенков"; боковая подсечка: παρεμβολή - "атака сбоку"), обвивы (ἀγκυρίζειν - "бросать противника изгибом колена", ἀγκύρισμα - "бросок изгибом колена") и зацепы (παραπλαγισμός - "бросок в сторону", παρακαταγωγή - "сведение вниз в сторону", μεταπλασμός - букв. "перелепливание").

²³ Впрочем, данный бросок был более характерен для панкратиона.

Лексика античных борцов включала в себя ряд слов и выражений, для которых очень трудно подобрать современные эквиваленты. Сфера их употребления не ограничивалась техническим языком атлетов. Такие слова проникали и в произведения древнегреческой литературы. При этом часто подразумевалось, что подобные выражения общеизвестны и потому не нуждаются ни в каком дополнительном истолковании. В качестве примера можно привести существительные ἐμβολαί, συστάσεις, παραθέσεις, которые встречаются в конце одной из "Застольных бесед" Плутарха (638 f) и вот уже многие годы служат источником затруднений для переводчиков и комментаторов этого произведения. На самом деле данные термины обозначают различные способы вхождения в тот или иной прием. При этом σύστασις и παράθεσις характеризуют позиции атлетов, а ἐμβολή предпринимаемые ими атакующие действия.

Термин σύστασις (букв. "совместное стояние") указывает на фронтальную направленность движений борцов, стремящихся осуществить захват различных частей тела противника. Описание подобной позиции мы находим уже в "Илиаде" Гомера, который в XXIII песни поэмы уподобляет состязающихся в борьбе Одиссея и Аякса стропилам, поддерживающим крышу дома (711-713): ἀγκὰς δ' ἀλλήλων λαβέτην χερσὶ στιβαρῆσιν/ ὡς ὅτ' ἀμείβοντες, τοὺς τε κλυτὸς ἦραρε τέκτων/ δώματος ὑψηλοῖο βίας ἀνέμων ἀλεείνων – "Тяжкими руками взяли друг друга в объятья, словно стропила, которые превосходный строитель приладил к высокому дому во избежание насилия ветров". Схолиаст, комментируя эти стихи, именует наших борцов συστάται и сравнивает занятую ими позицию с греческой буквой λ (712-713). Примечательно, что это слово (правда, в написании συνστάται) упоминается также в одной древнегреческой надписи, содержащей описание пар юношей в гимнасии (IG² 2-3.2, 2023). В метафорическом значении существительное σύστασις встречается, к примеру, в "Ипполите" Еврипида, где оно характеризует гнев и нападки Тесея на собственного сына (983-984): πάτερ, μένος μὲν ξύστασις τε σῶν φρενῶν/ δεινὴ - "Отец, гнев и противостояние твоего сердца ужасны".

В отличие от σύστασις термин παράθεσις ("боковое положение") указывает на то, что атлет находится сбоку от своего оппонента. Подобный способ вхождения в прием изображен на аттическом краснофигурном килике 430 г. до н.э. из Британского музея (E 84). Терминологическое значение παράθεσις подтверждает и сохранный нам в Оксириинском папирусе (III, 466) фрагмент античного учебника по борьбе, в котором в форме даваемых спарринг-партнерам указаний содержится описание как приемов, так и соответствующих им контрдействий. В 17 строке этого фрагмента встречается глагол παρατιθέναι, от которого и образовано существительное παράθεσις. Речь идет о захвате за голову, для осуществления которого борцу рекомендуется повернуть туловище практически под углом в 180° по отношению к своему противнику: παράθεσ τὸ μέσον καὶ ἐκ κεφαλῆς τῇ δεξιᾷ πλέξον - "Встань к нему боком и правой рукой выполни захват его головы". Более детальное описание подобной техники мы находим у Эпиктета (Diss. ab Arr. dig. III, 26, 22), где защищающемуся от атаки противника борцу

предписывается встать к своему оппоненту под углом в 90°, захватить его за голову и затем для завершения приема еще больше повернуть свое плечо: μετάβηθι, δὸς πλευρόν, κεφαλὴν αὐτοῦ λάβε, παράθες τὸν ὤμον.

Основное значение глагола ἐμβάλλειν, равно как и однокоренного с ним существительного ἐμβολή, связано с выбрасыванием или выставлением вперед некоего объекта и отсюда с нападением или атакой. К примеру, ἐμβάλλειν и его производные используются, когда речь идет о таране одного корабля другим или о нападении быка. В терминологическом употреблении ἐμβάλλειν и ἐμβολή обозначают применение атакующих действий во фронтальной плоскости. Подтверждение этому мы находим в приписываемом Лукиану романе "Лукий, или Осел", в восьмой, девятой и десятой главах которого описывается любовный поединок между Лукием и Палестрой, имитирующий борьбу двух атлетов. В десятой главе Палестра, выступая в роли наставника, приказывает Лукию: πρῶτον δὲ κατὰ λόγον, ὡς ἄμμα σφίγγε, εἶτα ἀνακλάσας ἔμβαλε καὶ σύνεχε καὶ μὴ δίδου διάστημα – "Сначала, действуя систематически, затай, словно узел (т.е. крепко возьми захват), затем, отклонив [меня] назад, атакуй с фронта, не ослабляй захвата, не оставляй свободного пространства!". Глагол ἐμβάλλειν встречается и в одной из педерастических эпиграмм Стратона (Anth. Gr. XII, 206), в последних стихах которой тренер обращается к атлету с такими словами: Ὅχλοῦ καὶ μένε, Κῦρι, καὶ ἐμβάλλοντος ἀνάσχου' / πρῶτον συμμελετᾶν ἢ μελετᾶν μαθέτω – "Позволяя себя атаковать, оставайся, Кирис, на месте и выдержи нападение. Пусть сначала он научится работать в паре, а затем приступит и к самостоятельным занятиям". Целью фронтальной атаки были, главным образом, захваты туловища или ног противника.

Кулачный бой (греч. πυγμῆ, πυγμαχία, πύκτευσις, πυκτοσύνη, ἡ πυκτική; лат. - *pugil(l)atus*) считался в древности наиболее опасным из греческих единоборств, но, несмотря на это, вплоть до начала эллинистической эпохи был любимым занятием эллинской аристократии, особенно проспартански настроенных представителей афинского "высшего света".

Соревнования в этом виде спорта возникают довольно рано. Изображения кулачного боя мы находим уже на фреске с острова Фера 1550 г. до н.э., а также на критском сосуде, датируемом 1500 г. до н.э.²⁴ Кулачный бой упоминается в "Илиаде" Гомера (XXIII, 652-699) и занимает достойное место среди других видов спорта, в которых состязаются герои на похоронах Патрокла. При этом победа в кулачном бою фактически приравнивается поэтом к воинской доблести и наряду с ней признается наивысшим воплощением конечной цели устремлений "героической" эпохи - ἀρετή (ср. 668-671), стоящей у истоков того соревновательного идеала существования, в котором многие историки античности видят одну из характернейших особенностей греческого понимания жизни.

В Олимпии состязания в этом виде спорта среди мужчин начали проводиться на 23-й олимпиаде (688 г. до н.э.), а среди мальчиков - на 41-й олимпиаде

²⁴ M. Andronicos. National museum, 10; B. Schröder. Der Sport in Altertum, 1927, Berlin, Taf. 3.

(616 г. до н.э.). Первым победителем во взрослой категории был Ономаст из Смирны, а в детской - Филет из Сибариса.

Создателем кулачного боя как искусства считался Пифагор с острова Самос, который стал победителем на 48-й олимпиаде (588 г. до н.э.).

Любопытно, что римляне считали этот вид спорта наиболее предпочтительным из всех единоборств. Интерес к кулачному бою как к зрелищу охватывал самые широкие слои общества, начиная от императоров и кончая римской чернью. О популярности данной спортивной дисциплины можно также судить по большему по сравнению с другими единоборствами соотношению упоминаний в римской литературе кулачного боя и связанных с ним реалий (больше всего их у Цицерона, Вергилия, Стация, Валерия Флакка и Светония). Кроме того, в латинском языке появились собственные, правда, весьма немногочисленные обозначения для применяемых кулачными бойцами приемов. К ним принадлежали существительные *gradus* ("боевая стойка"), *ictus, plaga* ("удар"), глаголы *ferire, verberare* ("бить"), *percellere* ("проводить нокаутирующий удар"), *cavere* ("защищаться"), *reicere, discutere* ("парировать"), выражения *elabi corpore, exire caestus corpore* ("выполнять уклон и отклон"), *mergi umeris, inter caestus subire* ("защищаться нырком") и т.д.

Характерной особенностью данной атлетической дисциплины было использование специального защитного снаряжения для рук – кулачных ремней. Древнегреческие кулачные бойцы применяли три разновидности защитного снаряжения для кистей рук: мягкие кулачные ремни (αἱ μελίχαι, ἱμάντες μαλακώτεροι), жесткие кулачные ремни (ἱμᾶς ὀξύς) и шаровидные перчатки (σφαῖραι, τὰ ἐπίσφαιρα). В греческой литературе кулачные ремни, мягкие и жесткие, иногда назывались μύρμηκες ("муравьи"). Известно, что муравьи больно кусаются. Может быть, именно по этой причине ремни кулачных бойцов получили такое наименование. В Италии и Иллирии использовались другие типы снаряжения для рук: римские кастеты (*caestus*)²⁵ и некие приспособления, напоминающие по форме гантели. Такие приспособления часто изображаются на памятниках италийского искусства VII-III вв. до н.э. (см., например, иллирийскую бронзовую ситулу 800-400 гг. до н.э.²⁶). К сожалению, у нас нет сведений о происхождении, материале и назначении этого типа снаряжения.

В античности не было ринга в современном понимании этого слова. Но при необходимости судьи могли ограничить площадку, на которой проводился поединок. Для этого использовалось специальное ограждение, называвшееся κλίμαξ ("лестница").

В отличие от современного бокса кулачный бой не имел раундов. Впрочем, атлеты могли по обоюдному согласию прервать поединок, чтобы восстановить дыхание и немного отдохнуть. Продолжительность поединка специально не

²⁵ Впрочем, латинское слово *caestus* могло использоваться и для описания кулачных ремней греческого типа (ср. Verg. Aen. V, 424).

²⁶ J. Jüthner – E. Mehl. Pygme (pugilatus). – In Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, 1962, 9. SupplBd., Stuttgart – Waldsee, Sp. 1314.

регламентировалась. Известны случаи, когда кулачные бойцы состязались в течение всего дня.

Атлет объявлялся победителем, если он отправлял противника в нокаут (греч. καταβάλλειν, лат. *percellere* - "сбивать с ног ударом"), или если его соперник признавал свое поражение (ἀπαυδᾶν - "отказываться, оставлять"). Боец мог отказаться от продолжения борьбы как устно (ἀπαγορεύειν, ἀπειπεῖν), так и с помощью специального жеста (см., например, фрагмент краснофигурной чаши из Берлина²⁷).

Случалось, что поединок в кулачном бою оканчивался вничью. Но такой исход был скорее исключением и приносил разочарование обоим претендентам на победу, так как в подобных случаях венки чемпиона посвящались божееству (*terminus technicus*: ἕρδον ποιεῖν или просто ἕρδα)²⁸.

К сожалению, мы не располагаем полным описанием правил античного кулачного боя. Возможно, они различались в зависимости от времени и места проведения соревнований. Иногда (как, например, в Theocr. XXII, 66-67) правила определялись взаимной договоренностью атлетов.

По свидетельству Плутарха, в кулачном бою были запрещены захваты (Quaest. conv. 638 e: τοὺς δὲ πύκτας οὐδὲ πάνυ βουλομένους ἑῶσιν οἱ βραβεύται συμπλέκεσθαι - "кулачным бойцам судьи не позволяют захватывать друг друга, хотя бы сами они и очень хотели этого"). Существование такого запрета подтверждают изображения на вазах VI и V вв. до н.э., на которых представлены судьи, наказывающие атлетов за захваты различных частей тела противников (см., например, панафинейскую амфору 510 г. до н.э. из Музея виллы Джулия, 50680). Наряду с этим мы располагаем другими источниками, в которых сообщается об использовании захватов в кулачном бою (Theocr. XXII, 119; Nonn. Dionys. XXXVII, 525).

Следует отметить, что по сравнению с современным боксом в кулачном бою было меньше ограничений в использовании тех или иных приемов. Бойцам разрешалось наносить удары не только кулаком, но и открытой ладонью (см., например, изображение на хранящейся в Британском музее краснофигурной чаше из Вульчи²⁹).

В кулачном бою допускались удары как в голову, так и в туловище, но при этом спортсменам запрещалось заниматься "откровенным" членовредительством, что подтверждает сцена из кулачного боя, представленная на находящейся в Вене чернофигурной амфоре Никосфена из Черветери, на которой изображен судья, пресекающий попытку одного из атлетов нанести колющий удар пальцами в глаза противника³⁰.

²⁷ В. Schröder. Op. cit., Taf. 90 В.

²⁸ Только в императорскую эпоху венки начинают присуждаться обоим соперникам (*termini technici*: συστεφανοῦσθαι, συστέφεσθαι - "быть увенчанным вместе с кем-либо").

²⁹ J. Jüthner. Die athletischen Leibesübungen der Griechen, Taf. 17.

³⁰ J. Jüthner. Ibid., S. 181.

Удар в пах засвидетельствован на одной греческой вазе VI в. до н.э.³¹ Другими источниками мы не располагаем. Поэтому нет оснований утверждать, что на состязаниях разрешалось наносить удары в эту часть тела.

Некоторые авторы сообщают об использовании в кулачном бою ударов ногами по ногам (προσβαίνεσθαι ταῖς τῶν ἀντιπάλων κνήμας – букв. "наступать на голени противников") (Philostr. Gymn. 11, 34; ср. Euseb. Praep. evang. V, 34, 1). Тем не менее в нашем распоряжении нет памятников изобразительного искусства, на которых были бы представлены эти удары. Скорее всего, применение подобной техники определялось предварительной договоренностью бойцов.

Сохранились свидетельства о существовании, по крайней мере, двух стилей античного кулачного боя - ионийского и аркадского. В то время как в первом предпочтение отдавалось интеллектуальной составляющей, во втором большую роль играли, по всей видимости, телесная мощь и сила духа бойца. У истоков ионийского направления стоял первый олимпийский победитель в данной дисциплине Ономаст из малоазийской Смирны (ол. 23 = 688 г. до н.э.). Согласно Филострату (Gymn. 12), "этот атлет также написал правила кулачного боя, которые по причине мудрости их составителя стали соблюдать элидцы и которые не вызвали неудовольствия у аркадян из-за того, что были созданы для них человеком, прибывшим из изнеженной Ионии". Еще одним представителем ионийской традиции был уже упоминавшийся Пифагор Самосский, который победил на 48-й олимпиаде (588 г. до н.э.) и первым внес в кулачный бой элементы искусства. Основателем аркадского стиля ведения поединка считался герой Полидевк, ставший, согласно преданию, победителем на устроенных фиванским Гераклом олимпийских играх. Самым известным приверженцем этого направления был кулачный боец Филипп из Аркадии, живший в начале IV в. до н.э.

Боевая стойка (греч. προβολή - "выставление вперед", στάσις – "стойка, поза", лат. *gradus* – "шаг, позиция") играла в поединке кулачных бойцов особую роль. Она была тем положением, из которого атлет начинал выполнение различных технических действий и в которое он возвращался после того или иного приема атаки и защиты. Использование боевой стойки позволяло спортсмену наблюдать за противником и маневрировать перед началом решительных действий, а также в случае необходимости защищаться от атакующего противника.

Главным элементом техники кулачных бойцов были удары руками. Их общими обозначениями в древнегреческом языке чаще всего служили слова πληγή ("удар"), πλήσσειν, τύπτειν, κόπτειν, παίειν, πατάσσειν ("ударять, бить, поражать"), ἐλαύνειν ("гнать, бить"), δέρειν ("драть, дупить, сечь, колотить"). В латинском языке в подобных контекстах использовались, как правило, глаголы *verberare* и *ferire* ("ударять, наносить удары"), а также существительные *ictus* и *plaga* ("удар"). Атлеты применяли следующие разновидности ударов руками: прямой удар, удар сбоку, удар снизу и удар сверху основанием кулака (ἢ πληγή ἀπ' ἀρότρου - "удар как по плугу"). По свидетельству Цицерона, при нанесении уда-

³¹ M. B. Poliakoff. Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture, fig. 80.

ров кулачные бойцы издавали крик. От крика тело напрягалось, и удары получались более сильными (Tusc. II, 56; ср. 40).

В античном кулачном бою использовались также различные способы защиты от ударов. Для обозначения защитных действий кулачного бойца в древнегреческом языке употреблялись слова εὐλάβεια ("осторожность, осмотрительность, избегание"), φυλακή ("защита, предосторожность, бдительность"), φυλάσσεσθαι ("остерегаться, избегать"), ἀμύνειν ("отражать, отбивать, защищать"). В латинском языке техника защиты характеризовалась, по всей видимости, глаголом *cavere* ("принимать меры предосторожности, остерегаться, беречься"). Самыми распространенными видами защиты были парирование (греч. ἀποσείεσθαι - "стряхивать, отбрасывать", лат. *discutere* - "разбивать, разгонять", *reicere* - "отбрасывать, отражать"), защиты движениями туловища и головы (уклоны и отклонения: греч. κλίνειν - "склонять, наклонять", παρακλίνειν - "наклонять в сторону", ὑποκλίνειν - "склонять, наклоняться", лат. *corpore (caestus) exire* - "уклоняться (от кастетов) движением туловища", *corpore elabi* - "ускользнуть движением туловища"; нырок: греч. ὑπεξαναδύεσθαι κεφαλῇ - "подныривать головой"; лат. *mergi umeris* - "нырять плечами", *inter caestus subire* - "проходить снизу между кастетами"), защиты движением ног и комбинированные защиты.

Панкратион (греч. παγκράτιον, παμμαχία, πάμμαχον, лат. *pancratium, pammachium* - "всеборье, всесостязание") появился в Греции позднее борьбы и кулачного боя и характеризовался наибольшей свободой действий. В нем применялись как приемы борьбы, так и кулачного боя. С самого момента своего возникновения (в Олимпии состязания среди взрослых панкратиастов начали проводиться на 33-й олимпиаде (648 г. до н.э.), а среди детей - на 145-й (200 г. до н.э.)) эта спортивная дисциплина обрела в эллинской среде большое влияние и авторитет. Истории известны три случая, когда эпонимом олимпиады становился тогдашний победитель в панкратионе (Thucyd. III, 8; V, 49; I. Magnesia № 16, 15 sqq.), в то время как обычно имя этому общегреческому фестивалю давал чемпион в беге на стадий, первой спортивной дисциплине, введенной в программу Олимпийских игр после их возобновления в 776 г. до н.э.

Панкратион представлял собой, прежде всего, систему проведения соревнований. Поединок в этом виде спорта продолжался до сдачи одного из противников.

На состязаниях по панкратиону разрешалось использовать удары руками, ногами, головой, броски, болевые приемы и удушающие захваты.

К числу запрещенных действий относились укусы (δάκνειν - "кусаться") и разрывы мягких частей тела (ὀρύττειν - "рыть, вырывать"). У спартанцев, которые практиковали панкратион как эффективное средство подготовки к военным действиям, таких ограничений не существовало.

Важнейшими составляющими техники панкратиона были боевая стойка (προβολή - "выставление вперед"), броски (καταβάλλειν - "бросать, кидать"), удары (τύπτειν - "ударять, бить, поражать" и др.), удушающие захваты (ἄγχειν - "душить"), болевые рычаги и удержания (στρεβλοῦν - "крутить, выворачивать" и др.).

В этой спортивной дисциплине применялись те же самые броски, что и в борьбе. Из удушающих захватов в источниках чаще всего упоминаются такие приемы, как сдавливание шеи противника предплечьем (τραχηλίσειν - "хватать за горло") и сжатие ногами его нижних ребер (κλιμακίσειν - "выполнять лестницу"). Что касается болевых рычагов и удержаний, то сохранились свидетельства об использовании в панкратионе рычагов пальцев (κλαῖν - "ломать, отламывать", στρεβλοῦν - "крутить, выворачивать"), рычагов предплечья и плеча (στρεβλοῦν), рычагов стопы (ἀποπτερνίσειν - "приводить противника в затруднение скручиванием пятки", σφουῶ προσπалаίειν - "бороться с лодыжкой").

Удары руками и ногами были важнейшей, иногда даже единственной частью панкратиона. Сохранилась надпись из Писидии предположительно II в. до н.э., которая содержит правила проведения каких-то местных соревнований. В ней панкратиастам разрешается выполнять удары в стойке (ὀρθοπαίῃα), но запрещается проводить борцовские приемы и посыпать себя песком (ἀφή)³².

В этом единоборстве не существовало ограничений, касающегося применения ударной техники в партере. Примером здесь может служить изображение на фрагменте аттического краснофигурного килика конца VI до н.э. из Берлина (2276), представляющее состязание двух атлетов в партере, один из которых наносит своему противнику удар локтем в голову.

Удары ногами (λακτίσειν - "лягать, бить ногой", λαῖξ ἐνάλλεσθαι - "наскокивать ногой") были отличительной чертой панкратиона. Гален в сатире на профессиональных атлетов присуждает награду в этом спортивном единоборстве ослу, так как он превосходно лягается (Art. addisc. 13). Удары выполнялись как стопой, так и коленом. Их целью могли быть голова, живот, пах или ноги противника.

Еще одной разновидностью ударов, применяемых в панкратионе были удары головой (κεφαλῇ ἐναράσσειν – букв. "ударить головой"), которые, не отличаясь зрелищностью и красотой, тем не менее являются простым и эффективным средством воздействия на противника и широко используются в современных восточных единоборствах и в некоторых версиях рукопашных боев "без правил".

Итак, в панкратионе допускалось применение борцовской и ударной техники ведения боя. Однако ни первая, ни вторая не могли быть использованы в полном объеме. С одной стороны, проведение борцовских приемов было ограничено возможностью нанесения встречных ударов руками, ногами и головой. С другой стороны, из-за риска попасться на броски, болевые рычаги и удушающие захваты боец не мог в полную силу применять ударную технику на ближней дистанции. Поэтому в панкратионе становится наиболее важным умение сочетать борцовские приемы и различные виды ударов, что приводит к возникновению таких комплексных действий, которых нет ни в борьбе, ни в кулачном бою. Вырабатывается новая оригинальная техника и тактика ведения поединка.

³² Papers of the American School of Classical Studies at Athens, III, № 275 = CR XLIII (1929), p. 210-212. Ср. Gardiner. Athletics, p. 221; Krause. Gymnastik und Agonistik der Hellenen, S. 537-538.

Заключительная глава центральной части диссертации "**Роль и место спортивных единоборств в жизни античного общества**" состоит из четырех разделов и рассматривает борьбу, кулачный бой, панкратион и атлетику в целом в более широком контексте античной культуры.

В первом разделе "**Античные атлетические фестивали**" дается краткий очерк истории самых известных в древности спортивных турниров (местных и общегреческих), а также предлагается их общая классификация, в соответствии с которой все игры делятся по принципу вручаемых на них призов на священные (ἱεροὶ ἀγῶνες) или "венценосные" (στεφανῖται), где наградой служили венки, сплетенные из листьев и ветвей священных деревьев, и на коммерческие (ἀγῶνες χρηματῖται, θεματῖται, ἀργυροῖται), победители которых получали ценные призы или значительные суммы денег. Первая категория соревнований пользовалась в античном мире большим авторитетом. К ней принадлежали главные панэллинские фестивали: Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры. Престиж второй группы состязаний был невысок. Достаточно сказать, что несмотря на свое относительно раннее возникновение (первые свидетельства относятся к так называемой "гомеровской эпохе"), коммерческие турниры начинают регулярно упоминаться в победных надписях атлетов лишь в императорский период, да и тогда спортсмены обычно не вдаются в подробности и ограничиваются лишь указанием на общее число побед, одержанных на такого рода соревнованиях.

Во втором разделе "**О восприятии древними спортивных побед и поражений**" предпринимается попытка отразить весь спектр отношения греков к атлетическим успехам и неудачам в различные эпохи.

Как отмечалось ранее, с самых первых столетий своего существования атлетика была любимым занятием эллинской аристократии и рассматривалась как один из главных путей достижения славы, служившей мериллом доблести (ἀρετή), высшего жизненного идеала смельчака и героя. Подобные взгляды нашли отражение уже в поэмах Гомера. Так, например, в VIII песни "Одиссеи" (145-149) сын царя феаков Лаодам приглашает Одиссея попытать свои силы в гимнастическом турнире и изведать ту великую ни с чем не сравнимую славу, которую дают доброму мужу быстрые ноги и крепкие руки.

В архаическую и классическую эпохи спортивный идеал продолжает сохранять господствующее положение в системе греческих культурных ценностей. Именно к этому времени относится учреждение Олимпийского и других общегреческих атлетических фестивалей, на которых представители аристократических фамилий получают возможность теперь уже перед лицом всего эллинского мира раскрыть присущую им от природы ἀρετή и таким образом прославить не только себя и свой род, но и поднять международный престиж родного полиса. По этому поводу достаточно вспомнить выражения ἐστεφάνωσε τὴν πόλιν ("увенчал [родной] город"), τὴν πόλιν τιμῆσαι ("возвеличить город"), κλεινοτέρων δὲ πόλιν πατρίδ' ἔθθηκε ("еще больше он прославил родной город") и т.п., которые часто встречаются в надписях и литературных произведениях, когда

речь заходит о победителях панэллинских состязаний. Более того, истории известны случаи, когда некоторые города пытались подкупить олимпийцев, чтобы те назвали себя их гражданами. Не всегда причиной были чисто политические соображения. Немалую роль здесь могло играть и древнее унаследованное от "героической" эпохи представление об избранности чемпиона, в котором видели не только превосходного атлета, но и человека, пользующегося особенным расположением богов и способного распространить их благосклонное отношение на всех своих соплеменников. Не случайно жители некоторых греческих полисов, желая показать, что город, имеющий в числе своих граждан иероников, не нуждается более в оборонительных сооружениях, разрушали при встрече чемпионов часть городской стены (Plut. Quaest. conv. 639 e). Вера в близость победителей к богам иногда заходила так далеко, что отдельным атлетам приписывали божественное происхождение и сверхъестественные способности, в их честь воздвигали святилища и совершали жертвоприношения.

При желании победитель мог использовать собственные спортивные успехи и в политических целях. Опираясь на свой авторитет иероника, он получал ведущие должности в государстве или становился основателем новых колоний. Иногда олимпийских победителей, провинившихся в чем-либо, из уважения к их заслугам освобождали от наказания.

Позднее, в эпоху повсеместного утверждения "профессиональной" атлетики, победа на общегреческих фестивалях продолжала сохранять свое значение. Она не только даровала спортсмену желанную славу, но и могла содействовать росту его материального благосостояния. Подобное достижение позволяло атлету рассчитывать на более высокое вознаграждение при участии в призовых турнирах.

Следует иметь в виду, что на панэллинских фестивалях не было ни второго, ни третьего места, и все атлеты, кроме победителя, считались побежденными. Чем больше почета приносила победа, тем бесславнее было поражение. Оно воспринималось не только как пятно на репутации атлета, но и как позор для всего его родного города. Побежденному приходилось тайком пробираться домой, чтобы избежать публичного поношения. Иные атлеты предпочитали поражению смерть, иные готовы были идти на любые уловки, лишь бы не признать себя побежденными, иных же пытались защитить от позора их же сограждане.

Третий раздел "**Награждение победителей главных общегреческих турниров**" включает в себя две части, одна из которых рассматривает систему поощрения победителей на месте проведения соревнований, другая посвящена обзору почестей, ожидавших чемпионов в их родных городах. Хотя награды на панэллинских играх носили чисто символический характер (обычно это были венки из листвы и ветвей священных деревьев), тем не менее победителей таких турниров ожидало множество почестей, самой существенной из которых было разрешение воздвигнуть себе статую с памятной надписью, увековечивающей славу атлета и его родного города. О том, сколь большое значение имела в античную эпоху такая награда, можно составить себе представление из слов Плиния,

который в XXXIV книге "Естественной истории" (16) писал: *effigies hominum non solebant exprimi nisi aliqua inlustri causa perpetuitatem merentium, primo sacrorum certaminum victoria maximeque Olympiae* – "Скульптурного изображения удостоивался лишь тот, кто своими славными деяниями заслужил бессмертия. Первоначально таковыми людьми почитались победители священных состязаний и, в особенности, Олимпийских игр". На родине иероник обычно получал в награду ценный подарок (иногда в форме денежного приза), право на пожизненные обеды в пританее за государственный счет (σίτησις ἐν πρυτανείῳ) и на места в первом ряду на всех устраиваемых в городе играх (προεδρία ἐν τοῖς ἀγῶσιν). Напомним, что двух последних привилегий удостоивались только люди, имеющие особые заслуги перед отечеством, к числу которых относились, в первую очередь, видные политические деятели, вернувшие с победой полководцы, а также почетные гости города.

Четвертый раздел "**Спорт как составная часть античного воспитания**" затрагивает вопрос о роли атлетики в системе эллинского образования, которое в соответствии с господствующим в греческой культуре агональным идеалом вплоть до конца классической эпохи сохраняло преимущественно спортивный характер и было, главным образом, ориентировано на подготовку к выступлению на состязаниях. Даже начавшееся во второй половине V в. до н.э. усиление в культуре рациональных элементов, приведшее к смещению ценностных приоритетов в сторону, в первую очередь, интеллектуального развития, не сразу смогло поколебать позиции античной атлетики. Еще долгие столетия она оставалась неприменной частью эллинского образования, призванного воспитать совершенного человека, прекрасную характеристику которого дал в одном из своих стихотворений греческий поэт VI-V вв. до н.э. Симонид Кеосский (frg. 37 subfrg. 1): "безупречен, как квадрат, и руками, и ногами, и мыслью" (ἄνδρ' ... χερσίν τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ/ τετράγωνον ἄνευ ψόγου τετυγμένον).

Поддержанию престижа физической культуры и спорта в эллинистический и последующие периоды греческой истории в немалой степени способствовала и медицинская наука того времени, видевшая главную свою задачу не в борьбе с болезнями, а в их предупреждении, главным средством которого считались гимнастические упражнения и правильно установленный режим дня. Под влиянием ее предписаний греки даже в зрелом возрасте продолжали ежедневно посещать палестры и гимнасии, где они могли не только заниматься спортом, но и провести свободные часы в общении с друзьями. Позднее греческий обычай, правда, не без некоторого сопротивления, переняли и римляне: начиная с I в. н.э. ни одна крупная римская баня не обходится без палестры и других предназначенных для гимнастических занятий помещений.

В **заключении** повторяются и обобщаются основные выводы исследования, рисуется общая картина греческих единоборств и спорта в целом, которые, зародившись в "героическую эпоху" в среде военной аристократии и пережив наивысший расцвет в VI-V вв. до н.э., с конца классического периода постепенно начинают сдавать свои позиции. На первый план выходит соперничество в обла-

сти литературы, науки и искусства. Спортивные победы утрачивают привлекательность для молодых аристократов, которые, направляя все свои усилия на развитие интеллектуальных и творческих способностей, уже не могут в равной степени заботиться об атлетических успехах. В спортивной сфере наблюдается рост тенденций к "специализации". Большое значение приобретает зрелищная составляющая состязаний. Тем не менее несмотря на постепенное снижение авторитета спорт до конца античности остается для греков почтительно хранимым наследием прошлого и продолжает восприниматься как исключительно своеобразная черта эллинской цивилизации, наиболее резко противопоставляющая ее культурам соседних народов.

Закат античной атлетики происходит на фоне увядания всего греко-римского мира: уходит в прошлое античный образ жизни, культ духа окончательно вытесняет изначально присущее эллинам преклонение перед телом, язычество сменяется христианством. Новая эпоха приносит с собой иную систему ценностей, в которой не остается больше места для спорта. Возникновение, расцвет, упадок и вырождение – таков естественный порядок вещей. Избегнуть его не могут ни люди, ни народы, ни цивилизации со всеми частными их проявлениями. Точно также и античная атлетика, достигнув к V в. до н.э. предела своего развития, переживает спад и после запрета Олимпийских игр в 520 г. н.э. на время уходит в тень, чтобы через тысячу лет возродиться в новой форме и опять на какой-то срок завладеть умами всего человечества.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Защитное снаряжение для рук греческих кулачных бойцов (к вопросу о реконструкции правил античной пигмахии) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – V (материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского). – СПб.: Наука, 2001. С. 171-173.
2. Греческая спортивная борьба (к вопросу о реинтерпретации некоторых изобразительных и литературных источников) (тезисы) // Вестник древней истории (см. отчет о XIII Сергеевских чтениях на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (27-29 января 2003)). – М., 2003, № 4. С. 236.
3. О значимости изучения спортивной терминологии для понимания древнегреческой литературы (по поводу *Pollucis Onomasticon* III, 155 и *Plutarchi Quaestiones convivales*, 638 f) // Вопросы классической филологии, вып. XIII: *Argumenta classica* (труды молодых ученых). Под ред. И. М. Нахова. – М.: Макс-Пресс, 2003. С. 241-261.
4. А. В. Никитский // Словарь профессоров и преподавателей Московского университета. – М.: МГУ, план выпуска 2005 г.